

Пролог. Последствия

“ Памяти Нэда Лудда

“ ...сумасшедший, живший около 1779 года, который в приступе ярости разгромил два здания, принадлежавших лейстерширскому «чулочнику».

Оксфордский универсальный словарь

“ Долой всех королей, кроме Короля Лудда.

Байрон

“ Эта книга, несмотря на ее художественную форму, базируется исключительно на исторических фактах. Все в ней подлинно или произошло в действительности. И все это началось всего год тому назад.

Э. Э. Волчья Нора, Аризона

“ ...но ты, о моя пустыня, —
лишь твоя смерть для меня непереносима.

— Ричард Шелтон

“ Больше сопротивления, меньше покорности.

Уолт Уитмен

“ Теперь. Или никогда.

Торо

Завершено строительство нового моста между двумя суверенными штатами Соединенных Штатов Америки. Наступает время речей. Время знамен, оркестров и техно-индустриальной риторики, гремящей через усилители. Время обращений к общественности.

Люди ждут. Мост, украшенный национальными флагами, полотнищами и лозунгами на злобу дня, готов. Все замерло в ожидании официального открытия, заключительных

торжественных речей, перерезывания ленточки и первых лимузинов, возглавляющих процессию. Неважно, что на самом деле всем известно, что этот мост вот уже полгода находится в промышленной эксплуатации.

Длинные колонны автомашин выстроились на подъездах к мосту, вытянувшись на милю к северу и югу. За ними следят полицейские на мотоциклах — грозные, тяжелые мужчины в скрипучей коже, такие непреклонные в своих шлемах, с жезлами, значками, дубинками, пистолетами, радиосвязью. Гордые, твердолобые, раздражительные лакеи богатых власть имущих. Вооруженные и опасные.

Люди ждут. Изнемогающие от зноя, жарятся в своих машинах, сверкающих в ревушем пламени солнца, как жуки. Белого солнца пустыни Юта-Аризона, горящего адским пламенем как плазменная фрикаделька в небесах. Пять тысяч человек зевают в своих автомобилях, напуганные полицейскими, истомленные до апатии бесконечными песнопениями политиков. Их пронзительно визжащие дети дерутся на задних сиденьях; растаявшее мороженое течет по подбородкам и локтям, оскверняя одновалентные радикалы виниловых сидений. Все терпят, хотя ни у кого не хватает духу выносить этот рев в сотни децибел, изливающийся через громкоговорящую систему массовых митингов.

Сам мост четок, как констатация факта, — это простая, элегантная и компактная арка из стали и бетона, как бы случайно несущая на себе ленту асфальта, тротуары, перила, сигнальные огни. Эта арка длиной четыреста футов перекрывает ущелье глубиной в семьсот футов: Глен Каньон. На дне его протекает усмиренная и прирученная река Колорадо, прошедшая через недра находящейся неподалеку плотины Глен Каньона. Бывшая когда-то золотисто-красной, как свидетельствует ее название, теперь река течет холодным, прозрачным, зеленым потоком цвета ледниковой воды.

Велика река — но плотина еще величественнее. С моста плотина представляет собой серую сплошную вогнутую поверхность бетонной конструкции, необозримую и немую. Гравитационная плотина, монолит весом восемьсот тысяч тонн, врезанная в песчаники геологической формации навахо, составляющие ложе и стены каньона, создававшиеся пятьдесят миллионов лет. Затворы, блоки, толстые клинья — плотина пропускает всю мощь озадаченной реки через шлюзы, трубопроводы, турбину.

То, что было прежде могучей рекой, ныне — призрак. Духи морских чаек и пеликанов витают над ее иссохшей дельтой в тысяче миль от моря. Духи бобров плывут против течения, обнюхивая золотистую поверхность воды. Большие голубые цапли с болтающимися длинными ногами спускались, бывало, легкие, как москиты, на песчаные отмели. Древесные ибисы курлыкали в тополях. Олени бродили по берегам каньона. Белоснежные цапли-эгретки в тамариске, с плюмажами, развевающимися на легком речном ветере...

А люди ждут. Речи все продолжают, много круглых ртов, одна и та же речь, и вряд ли хоть одно вразумительное слово. Кажется, будто в электросети поселились привидения. Громкоговорители, черные как антрацит, сияющие на верхушках фонарных столбов в тридцати футов над дорогой, неразборчиво режут и мычат, как марсиане. Обрывки смысла, скрипы, визги, невнятица технотронного полтергейста, задыхающиеся фразы и

вибрирующие абзацы, вылетают вместе с пустыми ревущими звуками, но и они тоже — ВЛАСТЬ:

— Наш гордый штат Юта [бзззз!] рад предоставленной ему возможности [бронк!] принять участие в открытии этого прекрасного моста [блиип!], соединившего нас с великим штатом Аризона, так быстро развивающегося [йиииннннннг!], чтобы обеспечить дальнейший рост и экономическое... [роук! йоук! йииинг! нииинг!], доставляет мне большее удовольствие, г-н губернатор, чем это важное событие [роуунк!] для обоих наших штатов с этой величественной плотинной ...

Ждут, ждут. Где-то далеко, в самом конце длинного ряда машин, куда уже не достигают ни звуки речей, ни взгляды полицейских, сигналит автомобиль. Снова звук того же гудка. Патрульный полицейский разворачивается на своем Харли, сердито хмурясь, и направляется вдоль ряда машин. Сигнал умолкает.

Индейцы тоже наблюдают и ждут. Столпившись на открытом склоне холма над дорогой, на том берегу реки, где расположена резервация, неформальное собрание племен юта, пайюта, хопи и навахо расположилось между новенькими пикапами. Мужчины и женщины пьют Токай, толпы детворы — пепси-колу, все жуют сэндвичи с майонезом в салфетках Клинекс от Вандера, Рейнбо или Холсума. Наши благородные краснолицые братья глазуют на церемонию у моста, но их уши и сердца — с Мерл Хаггард, Джонни Пейчек и Тэмми Вайнетт, орущих из радиоприемников их пикапов. Радиопередача станции К-А-О-С — Каос! — из Флегстаффа, Аризона.

Граждане ждут; официальные голоса, издаваемые вконец запутавшимися ораторами, монотонно и нудно бубнят и бубнят в микрофоны, через провода, населенные призраками. Тысячи, сгрудившиеся в своих простаивающих машинах, мечтающие лишь о том, как бы, наконец, освободиться и вырваться первым на стальную арку моста, кажущегося невесомым, так грациозно соединившего пролет каньона — воздушную пустоту, в которой скользят и планируют ласточки.

Семь сотен футов вниз. Трудно полностью вообразить такую глубину. Река течет так далеко внизу, извиваясь среди береговых скал, что рев доносится туда тихим, как вздох. Дуновение ветра уносит прочь этот вздох.

Мост стоит, отчетливый и пустой, если не считать кучки элиты в центре, официальных лиц у микрофонов да символического ограждения из красно-сине-белой ленты, натянутой поперек моста между перилами. У обоих концов его припаркованы черные «Кадиллаки». Официальные машины, а также деревянные ограждения и патрульные мотоциклы держат массы, как в мышеловке. Выхода нет.

Далеко позади плотины, позади водохранилища, за рекой и мостом, за городом Пейдж, автодорогой, индейцами, и остальными людьми, их лидерами, раскинулась розовая пустыня. Там жара, под яростным июльским солнцем земля накаляется, вероятно, градусов до 150 по Фаренгейту. Все разумные твари спрятались в тени или пережидают день в прохладных норах под землей. Никто из людей не живет в этой розовой пустоте. Ничто здесь не

останавливает взгляда, и он блуждает все дальше и дальше, через мили и мили камня и песка, вплоть до вертикальных фасадов столовых гор и плато на горизонте, в пятидесяти милях отсюда. Ничего не растет здесь, только кое-где можно увидеть заросли колючего кустарника и кактусов, да там и сям разбросаны корявые, скрученные, болезненного вида кусты можжевельника. Немного мелкой псоралеи, местами кустики хвоща. И больше ничего. Ничего не движется, кроме бледного вихря, приплясывающего маленького торнадо из пыли, который опадает, наткнувшись на каменный столб. Никто не наблюдает за этой бедственной землей, только гриф парит на воздушных потоках в трех тысячах футов над ней.

Стороннему наблюдателю, — если бы таковой существовал, — могло бы показаться, что канюк совершенно одинок в необъятности неба. Но это не так. Невидимые даже самому острому человеческому глазу, но хорошо заметные друг другу, остальные грифы ждут, лениво плавая в воздухе. И если один из них спускается, заметив кого-то мертвого или умирающего, другие налетают со всех сторон, ниоткуда, и толпятся, наклонив головы, вокруг чьего-то любимого тела.

Однако вернемся к мосту: музыканты объединенного оркестра высших учебных заведений городов Кенеб, Юта и Пейдж, штат Аризона, измученные, но все же старательно исполняют сейчас воодушевленную редакцию «Соберемся ли мы у реки?», за которой следует «Звезды и полосы навеки». После паузы — редкие аплодисменты, свистки, подбадривающие выкрики. Измученная масса чувствует, что конец близок, что мост вскоре будет открыт. Губернаторы штатов Юта и Аризона, бодрые дородные мужчины в ковбойских шляпах и остроносых башмаках, выступают вперед снова. У каждого в руках — пара гигантских золотых ножниц, сверкающих на солнце. Щелкают вспышки, совершенно излишние на таком ярком солнце — телекамеры фиксируют, как делается история. Когда они приближаются, из толпы зрителей выскакивает рабочий, торопливо направляется к ленточке, преграждающей путь к мосту, и поправляет что-то неуловимое, но, несомненно, важное. На нем желтая жесткая шляпа, украшенная наклейками-эмблемами его класса: американским флагом, черепом с двумя костями под ним, Железным крестом. Сзади, через всю спину его поношенного комбинезона, вышита отчетливо легендарная надпись: АМЕРИКА: ЛЮБИ ИЛИ ПОКИНЬ ЕЕ. Выполнив свою миссию, он быстро ретируется обратно, погрузившись в толпу, к которой он принадлежит.

Наступает самый ответственный момент. Толпа готова пропустить одно-два приветствия. Водители забираются на свои сиденья. Звук двигателей: моторы увеличивают обороты.

Финальные слова. Потише, пожалуйста.

— Давай, старина. Разрежь эту ерунду.

— Я?

— Вместе, пожалуйста.

— Мне показалось, ты сказал...

— Ладно, понял. Отойди. Так?

Большинство людей в толпе на дороге плохо видели, что произошло дальше. Но индейцы на склоне холма видели все это очень ясно. Лучшие места на трибуне. Они увидели выхлоп дыма, черного, с обоих концов разрезаемой ленты. Они увидели, как по мере сгорания ленты вдоль моста побежали искры, как при коротком замыкании. И когда высокопоставленные особы поспешно отпрянули назад, индейцы увидели незапрограммированный фейерверк, следовавший за ними. Из-под драпировок, украшавших мост, вырвался взрыв «римских свеч», горящих «колес Екатерины», китайских шутих и «вишневых бомб». Когда мост опустел, ярчайший фейерверк вспыхнул вдоль тротуаров. Ракеты выстреливали в воздух и взрывались — «серебряный салют», воздушные бомбы и М-80 гремели, вызывая сильные воздушные волны. Вихри дыма и огня вздымались и улетали, ленты шутих взмывали в воздух, как дымящиеся кнуты, щелкая и потрескивая, следуя по пятам за губернаторами. Толпа радостно зашумела, считая это кульминацией церемонии.

Однако она ошибалась. Это была еще не самая высшая точка кульминации. Внезапно самый центр моста поднялся, словно проткнутый снизу, и разломился надвое зубчатым продольным зигзагом. Через эту нелепую трещину, изломанную, как молния, стремительно вырвалось в небо полотнище красного огня, сопровождаемое звуком оглушительного кашля. Это был громовой, потрясающий грохот огромного взрыва, от которого содрогнулись песчаниковые стены каньона. Мост раскрылся, как цветок, его отдельные части уже не соединяла никакая материальная связь. Фрагменты, куски и секции начали складываться, оседать, ослабевая, проваливаться и падать в бездну. Брошенные предметы, освобожденные от всяких связей, — золоченые ножницы, разводной гаечный ключ, пара пустых Кадиллаков, — начали скользить по устрашающе крутому уклону провалившейся внезапно автодороги, запустили себя, медленно поворачиваясь, в пространство. Потребовалось немало времени, пока они долетели до дна каньона, и когда, наконец, они грохнулись на камни и воду далеко внизу, звук удара, долетевший значительно позже, был едва услышан даже самыми внимательными.

Моста не было. Покореженные обломки, укрепленные в скальном основании, болтались по обе стороны каньона, как беспомощные пальцы, по направлению друг к другу, словно желая, но не имея воли дотянуться. Когда плотный султан пыли после катастрофы поднялся к небу, перевалив через край каньона, плиты асфальта и цемента, куски и клочья стали, арматурные прутья все еще продолжали падать, двигаясь в противоположном направлении — с неба на землю, — падая на семь сотен футов вниз, разбрызгивая воду, оскверняя реку, но не ускоряя ее движения.

По ту сторону каньона, где находится штат Юта, губернатор, генеральный подрядчик строительства автодороги и два высших чина Департамента госбезопасности пробирались через толпу к своим чудом сохранившимся лимузинам. Разъяренные, с каменными лицами, они совещались на ходу.

— Это — их последняя выходка, губернатор, обещаю Вам.

— Кажется, я уже слышал это обещание и раньше, Крамбо.

— Мне прежде не приходилось лично присутствовать при этом, сэр.

— Итак, что же ты предпринимаешь сейчас?

— Мы у них на хвосте, сэр. Мы хорошо представляем себе, кто они такие, как они действуют, и какой следующий шаг они планируют.

— Но не где они сейчас.

— Нет сэр, пока еще нет. Но мы уже близко.

— И какого же черта они планируют в следующий раз?

— Вы мне не поверите.

— А ты все же попробуй.

Полковник Крамбо указал пальцем прямо на восток. Указывая на эту штуку.

— Плотину?

— Да, сэр.

— Не может быть.

— Да, сэр, у нас есть веские основания.

— Не плотину Глен Каньона!

— Я ж говорил, что это звучит дико. Но именно это они планируют.

А в это время высоко в небе одинокий гриф поднимался ленивыми кругами все выше и выше, созерцая мирную картину внизу. Он смотрит вниз на совершенную линию плотины. Он видит ниже нее живое течение реки, а выше — голубое водохранилище, по безмятежной поверхности которого снуют, как водяные жуки, прогулочные катера. Вот сейчас он видит пару воднолыжников — их буксирные тросы провисли и вот-вот исчезнут под водой. Он видит вспышки солнечных бликов на металле и стекле бесконечной череды чадящих автомашин, плотно забивших дорогу, медленно ползущих по домам в Кенеб, Пейдж, Тьюбасити, Пенгвич и далее. Он замечает вскользь темное ущелье главного каньона, разбросанные остатки моста, высокий желтый столб дыма и пыли, все еще поднимающийся, очень медленно, из глубин пропасти.

Как одинокий дымовой сигнал, как безмолвный символ бедствия, как один огромный, беззвучный, но поражающий воображение восклицательный знак, означающий — диво! — султан пыли повис на бесплодной равнине, указывая вверх, на небеса, и вниз, на картину

гигантского разлома, потерю связей, на место, где разлепилось не только пространство, но и само время, разлепилось, разорвалось, прервалось, разорвалось, вырвалось. И затем оборвалось.

Под взглядом грифа, означающим ничего — ничего съестного. Под этим самым острым взглядом, догорало последнее мерцание плазмы там, далеко на западе, далеко за пределами значимости и этой пыли, и голубизны, равным образом...

Версия #2

Зверобой создал 22 апреля 2025 03:54:16

Зверобой обновил 22 апреля 2025 03:55:59